

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 930

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Часть II)

В статье рассматривается проблема соотношения «свободы преподавания и обучения» и государственного регулирования образовательной деятельности, представленная в университетском уставе 1884 г. Отмечается, что устав регламентировал принципы управления университетами, организацию их академического порядка, определял характер учебной деятельности, содержание и направленность учебного процесса, вносил определенные изменения в структуру российских университетов, вводил семестровый характер организации учебного процесса и так называемый «зачет полугодий», что противоречило пропагандировавшейся идее «свободы преподавания и обучения». В положении преподавательской корпорации наиболее важной переменной стала отмена выборного принципа профессоров – главного показателя университетской автономии. Устав оставлял последнее слово в утверждении кандидата на должность профессора за министром народного просвещения. Подчеркивается, что устав закрепил положение профессоров в качестве чиновников на государственной службе. Статьи устава о студентах имели своей главной целью поставить обучающихся в такое положение, чтобы все их силы и внимание были сосредоточены исключительно на учебном процессе. Это, по мнению составителей устава, должно было упредить любую возможность возникновения студенческих беспорядков и распространение антиправительственной пропаганды. Устав закрепил необходимость надзора за студентами со стороны руководства университетов. Все обучающиеся получали статус «отдельных посетителей университета», всякая корпоративная деятельность запрещалась, вводилось обязательное ношение формы.

Ключевые слова: императорские университеты, устав 1884 г., историко-филологический факультет, физико-математический факультет, юридический факультет, медицинский факультет, кафедры, организация учебного процесса, учебный план, профессор, приват-доцент, доктор, магистр, студенты – «отдельные посетители университета», семестр, гонорарная система оплаты труда преподавателя, полугодовые испытания, государственные экзамены, активизация семинарских занятий.

HISTORICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

The University Charter of 1884: Illusion of the Academic Freedom (Part II)

In the article the ratio problem of "freedom of the doctrine" and state regulation of the educational activity presented in the University Charter of 1884 is considered. It is noted that the charter regulated the principles of management of universities, organization of their academic order, defined character of the educational activity, contents and orientation of the educational process, made certain changes into the structure of the Russian universities, it entered semestrial character in organization of the educational process and so-called "a pass of half-year". In the situation of teaching corporation the most important change was cancellation of the elective principle of professors it was the main indicator of the university autonomy. The charter left the last word in appointment of the candidate for the professor's position for the Minister of National Education. It is emphasized that the charter fixed the position of professors as officials in public service. The purpose of the articles of the charter was to concentrate students completely on the educational process, according to the authors of the charter, it had to anticipate any possibility of students' disorders and distribution of anti-governmental promotion. The charter fixed a necessity that students must be supervised by the management of universities. All students had a status of "individual visitors of the University", any corporate activity was forbidden, obligatory wearing of the form was entered.

Keywords: imperial universities, the Charter of 1884, the Historical and Philological Faculty, the Physical and Mathematical Faculty, the Law Faculty, the Medical Faculty, chairs, organization of the educational process, a professor, a private-docent, a doctor, a master, students – "individual visitors of the University", a semester.

Рассмотрим, насколько эффективным оказался университетский устав 1884 г. Интересно знать, какие сферы университетской жизни благодаря ему удалось реформировать, к каким результатам привела заявлявшаяся им «свобода обучения и преподавания». Мы хотим понять, почему к концу XIX в. опять был поставлен вопрос о подготовке нового университетского законодательства.

Обратимся к положительным сторонам устава, обновившего правовое поле отечественной высшей школы последней четверти XIX в.

Университетский устав 1884 г. укрепил материальную базу университетов. Ежегодные ассигнования на содержание шести университетов возросли более чем на 145 тысяч рублей [5, с. 982, п. 2] и составили 2 268 790 рублей (штатные суммы по уставу 1863 г. не превышали 2 123 691 рубля). На новой законодательной основе была предпринята попытка улучшить уровень жизни профессоров за счет введения гонорарной системы оплаты студентами их труда. Кардинально изменялась материальная обеспеченность преподавателей, достигших пенсионного возраста: расчет их пенсий стал производиться с полного оклада содержания, что привело к увеличению сразу в два раза пенсионных выплат, по сравнению с предшествовавшим временем.

Университеты смогли продолжить интенсивно развивать контакты с зарубежными научными центрами, так как магистранты и профессора не были лишены возможности осуществлять заграничные командировки. Кроме того, используя право беспощинного ввоза научной литературы и других «учебных пособий», они имели возможность усовершенствовать организацию лекционных и практических занятий. Научные публикации профессоров, как обширные монографии, так и статьи в университетских периодических журналах, по-прежнему не подлежали цензуре.

Общее количество научно-педагогических кадров возросло за счет привлечения приват-доцентов и санкционированной уставом возможности возведения сразу в докторскую степень магистрантов и лиц, получивших «почетную известность» своими учеными заслугами. Если в 1881 г. в восьми университетах работало 635 преподавателей, то к 1894 г. их число увеличилось до 1036 (включая 29 штатных и сверхштатных лиц «ученого сословия», обеспечивавших

академическую деятельность Томского университета) [37, с. 168, табл. № 5]. Профессора освобождались от необходимости представлять на рассмотрение декана факультета программы своих «чтений» – отныне им вменялось в обязанность предлагать на каждое учебное полугодие перечень лекций и семинаров, составлявших полный законченный цикл наук университетского курса.

Устав не вводил ограничений в численность и сословный состав учащихся, хотя гонорарная система оплаты учебных занятий, а также появившиеся позже запреты циркуляров и правил Министерства народного просвещения явно не способствовали быстрому количественному росту универсантов.

Пытаясь реализовать немецкую модель «свободного обучения и преподавания», составители устава позволили студентам осуществлять выбор учебных планов, преподавателей, посещать интересовавшие их занятия на других факультетах (20, § 72), однако гарантий реализации этих прав не обеспечивали.

Устав изменил академический процесс, ликвидировав курсовые экзамены, разделив учебный год на семестры и введя «зачеты полугодий». Стимулируя развитие исследовательской деятельности студентов, законодательство включило в образовательные технологии обязательные «научные занятия». Стабильные расписания («обозрения преподавания»), составленные на текущее учебное полугодие, преследовали цель упорядочить «образовательный маршрут» универсантов.

Для своевременной оценки полноты, последовательности и качества образовательной деятельности на факультетах были предусмотрены государственные экзамены, принимавшиеся в соответствии с едиными требованиями для студентов всех университетов. Председатель и члены «итоговых испытательных комиссий» ежегодно назначались министром просвещения с целью аттестовать и приобретенный профессиональный минимум знаний студентов, и «направление» обучения преподавателей.

За университетами сохранились права и привилегии (наличие специальных средств; утверждение в чинах, соответствовавших классам должностей; право учреждения научных обществ и др.), обладавшие притягательностью и для

учащихся и для учащихся, что, в частности, содействовало притоку в «академическое сословие» разночинцев.

Выделив достоинства устава 1884 г., мы все же не можем утверждать, вслед за некоторыми исследователями, что он был «заметным явлением в жизни отечественной высшей школы» [22, 4.3]. В нормативно-правовой базе университетов содержалось немало нестыковок и непроработанных юридических ситуаций (например, о правилах поведения в зданиях университета (20, § 121), о правилах проведения испытаний (20, § 78, 80), об организации «научных упражнений» (20, § 96), которые требовали появления дополнительных подзаконных актов, нередко противоречивших букве устава. Поэтому уже с 1885 г. он стал обрастать дополнительными правилами (для студентов и лиц, подготавливавшихся к достижению профессорского звания), рекомендациями (об ограничении численности студентов; о проведении итоговых экзаменов), инструкциями (об изменении семьдесят первой статьи устава и возобновлении «обозрений преподавания» на весь учебный год, а не по семестрам; о возрождении полукурсовых испытаний на всех факультетах), циркулярами (о содержании дисциплин на историко-филологическом и юридическом факультетах) [26, с. 618–623]. Появились законоположения об обязательной студенческой форме и увеличении платы, вносившейся в университетскую кассу, с пяти до двадцати пяти рублей за полугодие [8, с. 736].

Многочисленные коррективы текста устава исказили смысл даже тех его положений, которые можно было охарактеризовать как достоинства нового университетского кодекса. По отзыву Б. Б. Глинского, университеты, хотя и существуют под сенью устава 1884 г., в любой момент готовы избавиться от него, потому что каждый работающий в университете знает: «На деле такого устава, собственно, уже и нет, а есть нечто очень неопределенное, случайное и временное» [8, с. 736].

Главный недостаток устава заключался в двойственности, разнонаправленности преследовавшихся им целей.

С одной стороны, устав ужесточал контроль за высшими учебными заведениями со стороны Министерства народного просвещения, усиливал правительственное влияние на деятельность ректора, собраний факультетов, совета университета и его правления, вводил систематический контроль за процессом преподавания, а также пове-

дением преподавателей и студентов как субъектов образовательной деятельности. Названная система контролирующих мер свидетельствовала не только о стремлении российского самодержавия тщательно отрегулировать статус университетов в системе государственных институтов и общественных структур. Гипертрофированное внимание к жизни университетов свидетельствовало также о стремлении государства вырвать университеты из исторической среды, оппозиционной императорской власти, изолировать их от активизировавшегося общественно-политического движения, заставив сосредоточить усилия исключительно на учебно-педагогическом процессе.

С другой стороны, устав содержал намерения его составителей реализовать популярную в Германии идею академической свободы, неприемлемую для воплощения в России при Александре III хотя бы потому, что она шла вразрез с укреплявшимися бюрократически-жандармскими порядками в управленческой и академической деятельности университетов. Истинная свобода преподавания не могла быть предметом пристального инспектирования со стороны попечителя и министра и подчиняться экзаменационным требованиям, исходящим не от научно-педагогического сообщества, а от имперских канцелярий. Свобода «слушания» и провозглашавшийся принцип выбора «образовательного маршрута» не могли быть «зажаты» предписаниями и инструкциями настолько, что нарушались права студентов и как личностей, и как членов «академического сословия».

Намерения государства подчинить университеты и «академическое сословие» своему навязчивому вездесущему давлению и одновременно допустить свободу в образовательном и научном процессах были несовместимы, отсюда и возникали неразрешимые в законодательной плоскости проблемы, которые породили искажения буквы и «духа» устава и вызвали непрекращающиеся попытки сознательного преодоления введенных им преград в деле своевременного и эффективного решения кадрового и административного вопросов, в организации учебно-воспитательной и научной деятельности на факультетах. Не случайно современникам казалось, что устав «разошелся по швам во всех своих частях... чуть ли не со дня его вступления в силу» [3, с. 545].

Главные проблемы и недостатки устава 1884 г., в изложении представителей «ученого

сословия» конца XIX – начала XX в., заключались в следующем:

1. Процедура пополнения профессорско-преподавательской коллегии.
2. Гонорарная система оплаты труда.
3. Положение приват-доцентов.
4. Ошибки в организации учебного процесса и итогового контроля.
5. Падение авторитета преподавателей, ослабление академической дисциплины.
6. Дезорганизация процессов управления и устройства учебной части университетов вследствие утраты ими прав внутреннего самоуправления.
7. Недофинансирование университетов.

Предложим комментированный анализ этих тезисов.

Напомним, что устав предоставил министру просвещения право назначать профессоров, помимо избрания их по системе баллотирования. Этот способ пополнения профессорской коллегии должен был, по мнению творцов устава, уничтожить такие нежелательные явления, возникшие в период действия устава 1863 г., как «партийность», личные пристрастия, «кумовство», нашедшие себе пристанище в университетских советах. Многочисленные конфликты в профессорской среде при замещении кафедр и продлении срока службы заслуженных профессоров дали повод Министерству народного просвещения под эгидой беспристрастной и справедливой оценки заслуг кандидатов присвоить себе функцию замещения вакантных должностей. Признавая себя компетентными в вопросе оценки научных достижений соискателей высших ученых степеней по всем специальностям университетского образования, чиновники министерства, сами несвободные от «партийности» и субъективизма, стали назначать на кафедры своих протеже, часто не обладавших даже требовавшимся уставом образовательным цензом [13, с. 181, прим. 2] или имевших ученую степень не по тому предмету, «чтение которого на них возлагалось» [11, с. 114].

Эта мера, провоцировавшая протестные акции не только в «ученом сословии», но и среди студентов¹, подверглась критике даже со стороны представителей высшей учебной администрации. Так, П. А. Капнист, попечитель Московского учебного округа, порицая правительство за неумелое вторжение в права университетов, отмечал, что университеты – это не только учебные заведения, но и научные учреждения, которые

преследуют двоякую цель: научное образование юношества и развитие самой науки. «Университет может образовывать своих слушателей ровно настолько, насколько он сам проникнут научными стремлениями... и является действительным центром развития и разработки науки», – утверждал он. В любом университете существуют свои научные школы, состоящие из преданных науке лиц с общими научными взглядами и стремлениями, которые посвящают себя непрерывной исследовательской деятельности и передаче лучших достижений своим последователям, поэтому принципы самопополнения университетских коллегий и самостоятельной оценки заслуг ученых являются основополагающими для сохранения полноты и всесторонности научных изысканий, считал П. А. Капнист. Никакой министр просвещения, даже при наличии постоянной экспертной комиссии, специально созданной для аттестации ученых, не может осознавать истинных потребностей университетов в квалифицированных специалистах и обеспечить университетские штаты «правильным и целесообразным» замещением» [13, с. 178–180]. «Посторонние люди», даже самые умные и честные, могут легко ошибиться с назначением профессора, «приняв ловкого шарлатана за знающего человека», – полагал и С. Н. Трубецкой [30, с. 184].

Ошибка, допущенная уже действующим уставом, привела, по мнению П. А. Капниста, к заметному понижению «общего уровня наших университетских коллегий» и, что еще более прискорбно, по замечанию попечителя, породила такие неприятные качества в профессорах, как «усиление ищательства и угодничество» [13, с. 181].

На эту же – нравственную – сторону изменения облика преподавателей, произошедшего под влиянием новой процедуры пополнения «ученого сословия», обратили внимание историк русского дворянства А. В. Романович-Славятинский, отмечавший появление «нового типа русского профессора» [33, с. 100], и корреспондент «С.-Петербургских ведомостей» (1901, № 107), имевший связь с профессорской средой. Последний, в частности, критикуя сложившуюся ситуацию, писал о том, что «с тех пор, как материальные блага научной карьеры стали зависеть не от профессорской коллегии, а от министерства, сразу стало обнаруживаться небывалое до того явление, которое провинциальное общество... окрестило... «паломничеством в Петербург». Захотелось ли приват-доценту экстраор-

динарной кафедры, стосковался ли экстраординарный по ординатуре, объяло ли желание деканства или ректорства ... мчится ученый чиновник в Северную Пальмиру – этот единственный источник карьерных благ» [11, с. 115].

Чиновничий карьеризм, стремление добиться повышения по службе и «более выгодной позиции на академическом поприще при посредстве подлежащего начальства и на почве его расположения» приняло «эпидемический характер». Столичные профессора стали писать на визитных карточках «чиновник особых поручений губернатора» вместо перечисления своих «академических титулов» [11, с. 116].

Отношение «ученого сословия» к научной и учебной деятельности как к выгодной служебной карьере не замедлило сказаться на состоянии науки. «Истинный ученый учитель» начал куда-то исчезать, «общее научное настроение университета» упало, «гордая самостоятельность» университетской коллегии уже не составляла притягательную силу университета, – сетовали современники. «Все меньше и меньше у нас теперь крупных и сильных ученых, с именами которых связывалось бы представление о целой эпохе... Все менее и менее у нас тех искренних и вдохновенных истолкователей и проводников науки, которые умеют с высоты своей кафедры пробуждать в слушателях самые разнообразные стороны человеческого духа, воспитывать в них уважение к строгому и серьезному знанию, чистой и плодотворной общественной деятельности, развивать терпимость к чужим взглядам и строгие требования по отношению к себе» [11, с. 115, 116], – уверяют нас противники устава 1884 г.

Следовательно, самостоятельная, независимая от чиновников процедура пополнения состава ученых коллегий воспринималась, по отзывам современников, основополагающим фактором развития и процветания отечественной науки и главных центров ее продуцирования – университетов. Административное вмешательство в установившиеся корпоративные законы организации внутриуниверситетской жизни оценивалось как «упадок нравственного престижа профессоров, упадок самой науки», механизм перерождения ученых в чиновников, вдохновенно реагировавших только на приближавшийся день выплаты жалованья [33, с. 109].

Проблема жалованья профессоров и приват-доцентов и его ожидавшегося роста в свете финансовых новшеств, вводимых уставом

1884 г., также была болевой точкой, вокруг которой кипели страсти в прессе. Комментарии всех участников обсуждения, как адептов действующего устава, так и глашатаев новой университетской реформы, вращались вокруг гонорарной системы. Ясно было, что «монетизация» преподавательского труда не оправдала даже ожиданий правительства, надеявшегося при помощи студентов, а не за государственный счет поднять уровень жизни «ученого сословия».

Гонорар вызвал к жизни неизвестное прежде материальное неравенство между учеными одинаковой научной квалификации. Те из них, кто читал обязательные курсы, быстро «обогащались», получая к казенному содержанию существенную добавку от студентов на сумму в несколько тысяч рублей. Однако рядом с этими «счастливыми» оказались те, кто читал второстепенные и необязательные курсы или работал на непрестижных факультетах и в мелкокомплектных аудиториях. Они вынуждены были довольствоваться только жалованьем, установленным штатным расписанием, даже не смея мечтать о гонорарном вознаграждении². Следовательно, одаренность преподавателя, его научные заслуги, педагогический талант по-прежнему оказывались неоплаченными, а значит, и никаких стимулов к дальнейшему совершенствованию своего профессионального мастерства у этой, весьма значительной, группы преподавателей не было – новая система выплаты содержания их не коснулась.

Гонорарная система привнесла в ученый мир разлад, зависть, нездоровое соперничество: «Начинается погоня за дополнительными часами – ведь они увеличивают размер гонорара; укрепляется боязнь параллельных курсов – ведь конкурент, читающий параллельный курс, может отнять часть слушателей, а следовательно, и часть гонорара; развивается завистливое отношение «несчастливых», преподающих на малолюдных, то есть малоодоходных, факультетах и курсах, к «счастливым» – преподавателям на курсах и факультетах многолюдных...» [11, с. 135].

Гонорарная система стала существенным препятствием для дальнейшего усовершенствования учебного процесса. Интересы расширения его объема, роста числа лекций и «научных упражнений» приходили в столкновение с материальными возможностями студентов. Малообеспеченные начали тратить значительную часть времени и сил на добывание требовавшейся им

суммы для продолжения обучения, что не могло не сказаться отрицательно на их успеваемости и не повлечь за собой неприязненного отношения к занятиям. Пышным цветом расцвело и студенческое «попрошайничество» – обращения за помощью к благотворительным организациям, творческой интеллигенции, вынужденной из-за сострадания к бедствующим универснтам отдавать часть доходов от своей деятельности в фонды студенческого вспомоществования.

Застрельщики устава 1884 г., борясь с «крепостным бытом» студентов, под которым они понимали «неподвижные учебные планы», обязательные для выполнения каждым универснтам, вне зависимости от его способностей и предрасположенности к изучению всех предлагавшихся предметов учебного цикла, объясняли введение платы за обучение необходимостью установить «нравственные и вполне добросовестные отношения между профессорами и студентами ...сближение между ними на почве науки». На деле «крепостной быт» студентов оказался лишь обремененным еще и «оброчными повинностями», по выражению П. Г. Виноградова [3, с. 546, 547]. «Едва ли сторонники устава 1884 г., – отмечал он, – сумели бы сами придумать более злую карикатуру на неискренность и внутренние противоречия этого устава, нежели оброк, установленный его составителями во имя свободы преподавания и сближения между профессорами и студентами» [3, с. 547]. Избежать «крепостного быта» не было никакой возможности, полагал ученый, так как устав не смог устранить немногочисленность преподавательских сил, скудость официально установленного вознаграждения за их труд, опеку министерством факультетов, сохранение «монополии преподавателей» на обязательные курсы и прикрепление к ним слушателей [3, с. 547].

Кроме того, с появлением гонорара в студенческой среде стали пробивать себе дорогу лихоимство, мошенничество, изворотливость, о которых разработчики устава не могли даже и догадываться. Дело в том, что молодежь быстро приспособилась к новым, навязанным ей сверху условиям существования. Внеся гонорар за обязательные занятия и обеспечив себе таким образом освобождение от назойливого контроля со стороны администрации университета, некоторые студенты начали посещать занятия, привлекавшие их своим содержанием и актуальностью тематики, в том числе и на соседних факультетах. Не обращая внимания на то, что курсы, выбран-

ные ими по желанию, не относились к разряду базовых и в «зачет семестра» не включались, студенты спешили к любимым или известным профессорам, оставляя их при этом, тем не менее, без гонорара. У преподавателей же не хватало смелости и решительности требовать со студентов рубль за занятие, которое они провели для увлеченных их наукой студентов, так как превращение университетского преподавания в «частную сделку» противоречило «их нравственным инстинктам» [7, с. 694].

Аналогичная ситуация складывалась и с занятиями приват-доцентов, которые получили по уставу возможность параллельно читать те же курсы, что и профессора. Заплатив гонорар профессору, у которого они фактически не обучались, студенты оставляли без законного [20, § 129, 130] вознаграждения за труд выбранных ими приват-доцентов.

Следовательно, гонорарная система, больно ударившая по кошельку студентов или их родителей, не оправдала возложенных на нее надежд. Большинство преподавателей не укрепили свое финансовое положение. Гонорары не превратились и в эффективное средство налаживания учебной дисциплины: они не обеспечивали обязательной явки студентов на занятия, не вызывавшие у них интереса. Поэтому введение гонорарной системы оплаты труда преподавателей не способствовало появлению новых, искусственно простимулированных министерством потребностей к росту познавательной активности студентов.

Повышению эффективности академической деятельности мешала еще одна причина: непристичность низкооплачиваемого труда научной интеллигенции приводила к недостатку штатных преподавателей и появлению вакантных кафедр. Для увеличения численности профессорско-преподавательского состава предусматривалось несколько мер. Кроме уже названных нами – назначения профессоров министерским распоряжением и ускорения процедуры научной аттестации – устав уделил более пристальное внимание приват-доцентуре.

Большая часть приват-доцентов вышла из профессорских стипендиатов, которым в провинциальных университетах «по поручению министра» разрешалось чтение даже обязательных курсов [37, с. 161]. В столичных университетах такая ситуация была редкостью. Приват-доценты, заменившие своим появлением штатных доцентов, вели, как правило, специальные курсы, необязательные семинарские занятия, по-

этому никакой реальной конкуренции профессорам не составляли. Все параллельные курсы, введению которых должен был содействовать устав для обеспечения «свободы слушания», являлись, по мнению П. Н. Миллюкова, «результатом предварительного соглашения профессора с приват-доцентом» [18, с. 797]. Приват-доценты не оставались без вознаграждения, но оно не было жестко фиксированным в денежном исчислении. Если устав 1863 г. включал доцентов в штатное расписание университетов [35, с. 44, 45], то есть устанавливал им твердое жалование, то приват-доценты, которыми отныне компенсировали отсутствие преподавателей этой «промежуточной» научной квалификации, не принадлежали к «личному составу по учебной части». Устав поместил их в «личный состав по хозяйственной части, управлению и делопроизводству» [4, с. 1032, 1033], что вводило их в круг лиц, не имевших постоянного заработка. На положение приват-доцентов влияли отношение попечителя, расположение факультетского собрания и совета, которые могли лишь сделать «предложение», обращенное к министру, о вознаграждении молодого преподавателя. Неудивительно поэтому, что большая часть приват-доцентов бедствовала. В Санкт-Петербургском университете в 1896 г. из девяноста пяти приват-доцентов только одиннадцать получали гонорар выше шестисот рублей; 78 не получали и трехсот, а 18 из этого числа не имели вообще никакой гонорарной оплаты [18, с. 797].

В. И. Герье называл приват-доцентуру «роскошью университетской жизни, которая может развиваться... при избытке сил, когда будут удовлетворены существующие потребности университетов, когда число желающих получить кафедры превысит количество последних» [7, с. 695, 697]. Но при создавшихся условиях, когда любой «остепененный» молодой человек нарасхват, а введенный «гонорарий» никак не может поддерживать начинающих ученых, вынужденных подрабатывать журналистикой и учительством, пользы от приват-доцентов не будет никакой», – пророчествовал московский профессор [7, с. 697].

Удар по приват-доцентуре, которую учредители устава воспринимали «рассадником профессоров», нанесло установление обязательных предметов и сокращение специальных курсов, согласно экзаменационным требованиям.

К началу XX в. университеты, которые вновь начали испытывать дефицит преподавателей, выдвинули требования восстановить научную

степень кандидата и должность штатного доцента, а также вернуть факультетам контроль за их деятельностью, изъяв эту функцию из обязанностей попечителей.

Противники устава 1884 г. подвергали резкой критике не только кадровую политику Министерства народного просвещения, но и организацию учебного процесса, завершавшегося испытаниями в государственных комиссиях. Пропандой «академической свободы» оправдывались «перенесение экзаменов из университетов в особые правительственные комиссии и новая постановка свободной приват-доцентуры с необязательными лекциями и «параллельными курсами» по обязательным предметам, причем слушателям должен был принадлежать выбор между преподавателями», – писал С. Н. Трубецкой [30, с. 191]. Однако обещавшаяся студентам «свобода слушания», задуманная как одна из центральных задач переустройства академической жизни, никогда не могла быть реализована на практике. На факультетах, отмечал П. Н. Миллюков, никогда и не делались попытки составления нескольких учебных планов, выбор между которыми лживо объявлялся привилегией студента конца XIX в. Студент «должен был следовать тому единственному [плану. – М. Н., Т. П.], по которому в момент его поступления велось преподавание» [18, с. 796]. Учащуюся в университете молодежь также лишили возможности изменять место получения высшего образования, а гимназистов – права выбора университета за пределами своего учебного округа [18, с. 796].

Спустя пять лет от начала действия устава «зачеты полугодий» превратились в полукурсовые экзамены, появилась и обязательная программа итогового испытания, на котором каждый выпускник университета должен был доказать соответствие его знаний требованиям, предписанным министром. Прикрываясь необходимостью централизации академической деятельности, он присвоил себе роль «профессора профессоров» [3, с. 556], подкрепленную полномочиями учреждать государственные комиссии для аттестации и учащихся, и учащихся. Появление таких комиссий, по мнению В. И. Герье, при царящих в России «бюрократических нравах» неминуемо превратит их в «контролирующую инстанцию по отношению к университетам... Экзаменационные комиссии приобретут влияние на способ занятий студентов и способ преподавания», предостерегал профессор в 1876 г. [7, с. 700]. П. Г. Виноградов, анализируя двенадца-

тилетний опыт существования таких комиссий, полностью подтвердил опасения своего коллеги. Он пришел к заключению о том, что государственные комиссии «низвели» университетское преподавание с уже достигнутой высоты [3, с. 554].

Требование знать предметы «в их полном объеме» свело процесс преподавания «к весьма поверхностным обзорам». Стремясь достичь «рекомендованной энциклопедичности», одни преподаватели начали «разжижать» свои курсы до такой степени, что они утратили «университетский характер». Другие «сосредоточили свои чтения» на наиболее важных разделах, опуская остальные, менее значимые, по их представлениям. Третьи разрешили студентам готовиться не по лекционному материалу, а по сокращенным пособиям, содержащим лишь элементарные сведения [3, с. 556] и передающим «всю веками добытую мудрость данной науки на двух–трех печатных листах» [11, с. 118].

Появление однообразных программ итогового экзамена обезличило преподавание, а студентов превратило в «поверхностных рутинеров» [7, с. 705]. Излагая на экзамене «затверженные уроки», механически выученные ради утилитарной цели – получения диплома и классного чина, студент уподоблялся гимназисту, еще не знакомому с навыками исследовательской деятельности. Приобретенный им опыт решения научных задач оказывался невостребованным комиссией: «обзор элементарных требований выдвинулся на первый план и своей тяжестью задавил все остальное» [3, с. 558]. По мнению П. Г. Виноградова, «отделение окончательного испытания от текущего преподавания... стоит в полном противоречии с желанием [авторов устава. – М. Н., Т. П.] поднять интенсивность и значение самостоятельных занятий студентов» [3, с. 559].

Все участники вновь оживившейся к концу XIX в. дискуссии по «университетскому вопросу» приходили к единодушному выводу о фиктивности «свободы обучения и преподавания». «Планы и программы преподавания, содержание и направление излагаемых студентам курсов, объем требований, предъявляемых студентам на выпускных экзаменах, способы и виды образовательного воздействия учащихся на учащихся, – вообще все, кажется, стороны преподавательской деятельности подведены под систематические контроль, надзор и регламентацию, которые осуществлялись учреждениями и лицами, поставленными вне профессорской коллегии» [11,

с. 127]. Профессора, пользовавшиеся всероссийской и даже европейской известностью, выслушивали «внушительные наставления», а иногда и «строгие замечания» по поводу составленных ими учебных планов и «обзоров преподавания» от «центральных учреждений» [3, с. 548, 549]. Нередко литографированные студентами тексты лекций становились предметом пристального изучения попечителя и самого министра просвещения [14, с. 500–503], если их содержание не соответствовало официальному «направлению».

Авторы устава, заставившие преподавателей терпеливо сносить «казенное присутствие» в управленческой и академической сферах, и к студентам относились как к «несовершеннолетним... и в учебном отношении... и в гражданственном» [11, с. 128], поэтому им были запрещены все формы самостоятельной корпоративной деятельности, включая организацию научных обществ и «кружков самообразования». Студенты, как и преподаватели, считались «отдельными посетителями университетов», связанными со своими учеными наставниками «исключительно учебными занятиями» [13, с. 202]. «Все условия студенческой жизни комбинируются таким образом, чтобы предотвратить проявления самых естественных... чувств учащейся молодежи... Студенты не могут быть членами каких бы то ни было обществ, не могут заниматься в воскресных школах, не имеют даже права прочесть прошедшую чуть ли не семьдесят семь цензур брошюрку в народных аудиториях», – возмущались журналисты [11, с. 129].

Канцелярский дух и формализм, пропитавшие университеты, породили столь же формальное – безразличное – отношение студентов к выполнению ими своих прямых обязанностей. Зажатые в тиски циркуляров и правил, затравленные преследованиями инспекторов и педделей, они стали выражать свое неприязненное отношение к университету враждебностью не только к университетской администрации, но и к преподавателям. Это проявлялось, прежде всего, в «студенческом абсентизме» [18, с. 796]. «Полное отсутствие студентов в аудитории со времени введения обязательных практических занятий», «ужасающая пустота аудиторий» – постоянные жалобы профессоров на студентов, которые не проявляли «даже внешнего признака интереса к науке – посещаемости лекций» [11, с. 117]. «Не слишком много, а слишком мало студентов в университетских аудиториях, и не от переполнения, а от опустения аудиторий следует лечить наши дей-

ствительно больные, все большим и большим худосочием и истощением страдающие университеты», – делает вывод автор «Хроники» [11, с. 117, 118].

Разобченность учащихся и учащихся, их взаимное недоверие и даже открытая вражда стали составлять психологическую атмосферу академической деятельности. Два главных контрагента университетского образования без устали осыпали друг друга различными обвинениями: «С одной стороны, предъявляются обвинения в излишних требованиях, в насиловании памяти, в строгости на экзаменах... в отчужденности, научном формализме, бюрократизме и т. д. С другой стороны, высказываются обвинения в равнодушии к научным интересам, в непосещении лекций, в неделикатном поведении на лекциях, в огрубении нравов, в карьеризме и т. п. И – странное дело! Обвинения и с той, и с другой стороны представляются... в значительной степени справедливыми» [11, с. 119].

Признание обоюдных претензий законными и справедливыми свидетельствовало о том, что тесная духовная связь между учащейся молодежью и профессорами, которой могли гордиться студенты 40-х гг. XIX в.³, порвалась. Многие студенты уже не воспринимали университет как *Alma Mater*. Он превращался в «присутственное место», нередко походил на «арену междоусобной борьбы» и уже никак не напоминал «университетскую семью» [11, с. 119, 120]. Его притягательная сила для большинства студентов была обусловлена «заинтересованностью не наукою, а дипломами» [11, с. 137], открывавшими возможности дальнейшего карьерного роста.

Иллюстрацией этого вывода может служить падение интереса выпускников университета к повышению научной квалификации, что отразилось на количестве защищавшихся диссертаций. Если в 1863–1874 гг. ежегодно в среднем 24 человека становились докторами наук, а 26 – магистрантами, то в 1886–1896 гг. их количество составило соответственно 12 и 15 человек. Были годы, когда в некоторых университетах не защищали ни одной докторской диссертации [28, с. 207].

Корень этого «зла» либерально настроенные профессора и интеллигенция находили в административно-полицейском «режиме», насажденном в университетах уставом 1884 г.

К примеру, С. Н. Трубецкой не скрывал своего убеждения в том, что университет «прочно организован на антиакадемических началах», и

связывал надежды на его возрождение с возвращением самоуправления [30, с. 183, 185]. П. А. Капнист объяснял «неурядицу, которая ныне господствует и разъедает наши учебные заведения», «ложной политикой администрации по отношению к университетам» [13, с. 205] и указывал на первостепенное значение вопроса «о корпоративных правах университетской коллегии... насколько и в каком порядке на нее будет возложено управление университетскими делами, контроль и ответственность за них» [13, с. 182]. «Самодельный университет» с «укрепленной внутренней организацией» выделялся и П. Г. Виноградову «помощником правительства в его культурных предначертаниях и авторитетным руководителем общественного воспитания» [3, с. 539, 540].

«Патологические проявления жизнедеятельности университетов»: бюрократические интересы выслуги лет, карьеризм, равнодушие «ученого сословия» к науке, отчужденно-враждебное отношение студенчества к университету и преподавательскому корпусу – профессора и журналисты объясняли «устранением ученых коллегий от суждений и распоряжений по делам, связанным с жизнью» научно-образовательных центров, то есть с ликвидацией коллегиальных представительных органов университетского самоуправления [11, с. 131, 133, 134].

Требования профессорско-преподавательской корпорации к правительству, четко оформившиеся к началу XX в., выглядели следующим образом:

- сохраняя контроль со стороны верховной власти за деятельностью университетов, запретить всеобъемлющее руководство ими;
- восстановить принцип самопополнения профессорско-преподавательского состава посредством выборов достойных кандидатов в университетском совете, не прибегая к согласованию результатов баллотирования с бюрократическими инстанциями;
- разрешить избрание университетской администрации коллегией профессоров;
- вернуть профессорско-преподавательскому корпусу права внутреннего самоуправления;
- ликвидировать административную регламентацию в учебном и научном процессах [10, с. 229].

Таким образом, сокращение государственного присутствия в административной сфере, кадровой политике, академической деятельности университетов вновь обрело свою актуальность, как

и в середине XIX в. «Ученое сословие» настойчиво отбрасывало мысль о том, что титул «Императорский», который носили университеты, был способен ограничить их автономное устройство и свести все значение ведущих в России научно-образовательных центров только к исполнению «долга верноподданства».

Конечно, Российской державе нужны были квалифицированные кадры, но ограниченное финансирование университетов, учредителем и собственником которых являлось государство, явно не дотягивало до того, чтобы готовить дипломированных специалистов с поистине имперским размахом и вооружать их тем уровнем научной эрудиции, который соответствовал бы европейским стандартам по всем направлениям обучения.

Недостаточность материальных средств на содержание университетов, на улучшение учебно-вспомогательных учреждений и расширение преподавания была столь очевидной, что в Государственном совете штаты 1884 г. были признаны временными. На шесть Императорских университетов было выделено всего 2 268 790 рублей. Кроме этой суммы, Государственный совет рекомендовал министру народного просвещения ежегодно вносить в расходную смету университетов дополнительные средства, которые следовало направлять на «усиление преподавания и установление контроля за занятиями студентов; на вознаграждение членов экзаменационных комиссий; на вознаграждение профессоров, которые, прослужив по учебной части университетов не менее тридцати лет, продолжают чтение лекций и занятия со студентами» [5, п. IV, с. 982, 983].

Однако, как показала практика, обещанные дополнительные средства университетам приходилось «выбивать» с большим трудом. В 1887 г. было отпущено сто тысяч рублей, предназначенных только на одну цель – «усиление преподавания», при этом Государственный совет рекомендовал Министерству народного просвещения «осуществлять такие меры, которые предотвращали бы потребность в новых пожертвованиях со стороны казны» [26, с. 624]. В 1890 г. на улучшение процесса образования было ассигновано полтора миллиона рублей. Эта сумма предназначалась всем шести университетам, и ее надо было «растянуть» на шесть лет [26, с. 623]. Следовательно, сверх «штата» каждый университет получил всего сорок одну тысячу четыреста рублей (еще меньше, чем в 1887 г.), поэтому призывы совершенствовать образовательную

деятельность и воспитательную работу в университетах остались преимущественно только на бумаге.

При более чем скромных доходах профессорско-преподавательского состава бросаются в глаза расходы на содержание университетской инспекции – они увеличились вдвое по сравнению с 1863 г. (с 44 860 до 93 940 рублей). Военному министерству в 1884 г. было отпущено в десять раз больше средств, чем Министерству народного просвещения. Содержание царского двора обходилось государственной казне в пять раз дороже, чем всех шести университетов вместе взятых [37, с. 161, 162]. Профессора университетов считали, что «русские университеты не могли в должной степени развить ни своей преподавательской, ни своей ученой деятельности [из-за того. – М. Н., Т. П.], что им всегда приходилось сталкиваться с недостатком средств на самые необходимые, неотложные нужды» [37, с. 163].

Завершая освещение результатов реформирования отечественных университетов в соответствии с руководящими указаниями устава 1884 г., подчеркнем еще раз крайне недоброжелательное к нему отношение преобладающего большинства представителей «ученого сословия»⁴. Их мнение блестяще, на наш взгляд, смог выразить профессор Московского университета П. Г. Виноградов. Он писал: «...Устав 1884 года... не достиг того, что составляло его цель, а к тому, чего он достиг, едва ли следовало стремиться. Политические соображения, которыми он был вызван, не оправдались: радикальные идеи могут продолжать существовать в университете, потому что... они существуют в стране; социальный состав студенчества не изменился, потому что нет силы, которая смогла бы сделать русское общество богатым и аристократическим.

С педагогической точки зрения реформа принесла вред учебному делу, так как заключала в себе непримиримые противоречия и очевидную фальшь: ни качество преподавания, ни успешность студенческих занятий не возросли, хотя профессиональные требования были выдвинуты вперед в ущерб научным; попытка непосредственного вмешательства центральной власти в руководство преподаванием привела лишь к... ухудшению порядка экзаменов... Полный успех имела только одна сторона преобразования – бюрократизация университетов... Трудно уклониться от вывода, что порядок, так дурно выдержавший короткое испытание семнадцати лет,

подлежит коренному пересмотру и изменению» [3, с. 573].

Библиографический список

1. Аврус, А. И. История российских университетов: очерки [Текст] / А. И. Аврус. – М., 2001.
2. Андреев, А. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие (Часть 1) [Текст] / А. Андреев // Высшее образование в России. – 2005. – № 1. – С. 156–169.
3. Виноградов, П. Учебное дело в наших университетах [Текст] / П. Виноградов // Вестник Европы: Журнал истории, политики, литературы. – СПб., 1901. – Октябрь. – Кн. X. – С. 537–573.
4. Временный штат Императорских российских университетов, управляемых по общему о них уставу [Текст] // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1884 год. Царствование императора Александра III. – СПб., 1893. – Том IX. – С. 1027–1046.
5. Высочайше утвержденное 15 августа 1884 года мнение Государственного совета [Текст] // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1893. – Том IX. – С. 981–984.
6. Высшее образование в России: очерки истории до 1917 года [Текст]; под ред. В. Г. Кинелева. – М., 1995.
7. Герье, В. Свет и тени университетского быта [Текст] / В. Герье // Вестник Европы. – СПб., 1876. – Февраль. – Кн. 2. – С. 646–709.
8. Глинский, Б. Б. Университетские уставы (1755–1884 гг.) [Текст] / Б. Б. Глинский // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. – СПб, 1900. – Т. LXXIX. – С. 718–742.
9. Готье, Ю. В. Университет [Текст] / Ю. В. Готье // Московский университет в воспоминаниях современников; сост. Ю. Н. Емельянов. – М., 1989. – С. 554–574.
10. Иванов, А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века [Текст] / А. Е. Иванов. – М., 1991.
11. Из университетской жизни. Мнения периодической печати о предстоящей реформе университетов [Текст] // Вестник воспитания: научно-популярный журнал; под ред. Н. Ф. Михайлова. – М., 1901. – Сентябрь. – Хроника. – № 6. – С. 112–153.
12. История Московского университета [Текст]: в 2 т.; под ред. М. Н. Тихомирова. – Т. 1. – М., 1955.
13. Капнист, П. Университетские вопросы [Текст] / П. Капнист // Вестник Европы. – СПб., 1903. – Т. IV. – С. 167–218.
14. Ковалевский, М. М. Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века (Личные воспоминания) [Текст] / М. М. Ковалевский // Московский университет в воспоминаниях современников. – М.: Современник, 1989. – С. 484–506.
15. Котов, А. Э. «Дело профессора Любимова»: власть и общество в борьбе за университет [Текст] / А. Э. Котов // Университетский научный журнал. – СПб., 2012. – № 2. – С. 63–76.
16. Лейкина-Свирская, В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века [Текст] / В. Р. Лейкина-Свирская. – М., 1971.
17. Любимов, Н. А. По поводу предстоящего пересмотра университетского устава [Текст] / Н. А. Любимов // Русский вестник. – 1873. – № 2. – Т. 103. – С. 886–903.
18. Милоков, П. Университет [Текст] / П. Милоков // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1902. – Т. XXXIV. – С. 751–803.
19. Новиков, М. В. Устав 1884 года: реставрация авторитарных порядков в сфере управления российскими университетами [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 2. – С. 25–38.
20. Общий устав Императорских российских университетов [Текст] // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1893. – Том IX. – С. 985–1026.
21. Олесич, Н. Я. Господин студент Императорского С.-Петербургского университета [Текст] / Н. Я. Олесич. – СПб., 1998.
22. Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры; под ред. Е. В. Олесеюка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006>.
23. Петров, Ф. А. Российские университеты [Текст] / Ф. А. Петров, Д. А. Гутнов // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т. 3. Культурный потенциал общества. – М., 2001. – С. 124–199.
24. Пичета, В. И. Воспоминания о Московском университете (1897–1901) [Текст] / В. И. Пичета // Московский университет в воспоминаниях современников. – М.: Современник, 1989. – С. 583–596.
25. Правила для студентов университета во время прохождения курса. Правила о приеме в студенты университета. Правила о плате за слу-

шание лекций в университете. Правила о назначении студентам стипендий и денежных пособий. Правила для арестованных в карцере студентов. Правила о допущении в университет посторонних слушателей [Текст] // ЖМНП. – СПб., 1885. – Июль. – III. Министерские распоряжения. – № 4. – С. 31–46.

26. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 [Текст] / С. В. Рождественский. – СПб., 1902.

27. Сабашников, М. В. Воспоминания. В университете [Текст] / М. В. Сабашников. // Московский университет в воспоминаниях современников. – М.: Современник, 1989. – С. 575–582.

28. Соболева, Е. В. Организация науки в пореформенной России [Текст] / Е. В. Соболева. – Л., 1983.

29. Танеев, П. В. Воспоминания о Клименте Аркадьевиче Тимирязеве [Текст] / П. В. Танеев // Московский университет в воспоминаниях современников. – С. 507–516.

30. Трубецкой, С. Университет и студенчество [Текст] / С. Трубецкой // Русская мысль: ежемесячное литературно-политическое издание. – М., 1897. – Кн. IV. – С. 181–203.

31. Университетский устав 1863 года [Текст]. – СПб., 1863.

32. Фет, А. А. Воспоминания [Текст] / А. А. Фет // Московский университет в воспоминаниях современников. – М.: Современник, 1989. – С. 230–241.

33. Филиппов, М. М. Реформа гимназий и университетов [Текст] / М. М. Филиппов. – СПб., 1901.

34. Чичерин, Б. Н. Студенческие годы. Москва сороковых годов [Текст] / Б. Н. Чичерин // Московский университет в воспоминаниях современников. – М.: Современник, 1989. – С. 372–417.

35. Штаты Императорских российских университетов [Текст] // Университетский устав 1863 года. – СПб., 1863. – С. 44–55.

36. Щетинин, Б. А. Первые шаги (из недавнего прошлого) [Текст] / Б. А. Щетинин // Московский университет в воспоминаниях современников. – М.: Современник, 1989. – С. 533–547.

37. Щетинина, Г. И. Университеты России и устав 1884 г. [Текст] / Г. И. Щетинина. – М., 1976.

Bibliograficheskij spisok

1. Avrus, A. I. Istorija rossijskih universitetov: Oчерki [Текст]. – М., 2001.

2. Andreev, A. «Nacional'naja model'» universitetskogo obrazovanija: vznikovenie i razvitie (Chast' 1) [Текст] // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2005. – № 1. – С. 156–169.

3. Vinogradov, P. Uchebnoe delo v nashih universitetah [Текст] // Vestnik Evropy: Zhurnal istorii, politiki, literatury. – SPb., 1901. – Oktjabr'. – Кн. X. – С. 537–573.

4. Vremennyj shtat Imperatorskih rossijskih universitetov, upravljajemyh po obshhemu o nih ustavu [Текст] // Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija. 1884 god. Carstvovanie imperatora Aleksandra III. – SPb., 1893. – Том IX. – С. 1027–1046.

5. Vyschajshe utverzhdennoe 15 avgusta 1884 goda mnenie Gosudarstvennogo soveta [Текст] // Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija. – SPb., 1893. – Том IX. – С. 981–984.

6. Vysshee obrazovanie v Rossii: Oчерki istorii do 1917 goda [Текст] / pod red. V. G. Kineleva. – М., 1995.

7. Ger'e, V. Svet i teni universitetskogo byta [Текст] // Vestnik Evropy. – SPb., 1876. – Fevral'. – Кн. 2. – С. 646–709.

8. Glinskij, B. B. Universitetskie ustavy (1755–1884 gg.) [Текст] // Istoricheskij vestnik: Istoriko-literaturnyj zhurnal. – SPb., 1900. – Т. LXXIX. – С. 718–742.

9. Got'e, Ju. V. Universitet [Текст] // Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov / sost. Ju. N. Emel'janov. – М., 1989. – С. 554–574.

10. Ivanov, A. E. Vysshaja shkola Rossii v konce XIX – nachale XX veka [Текст]. – М., 1991.

11. Iz universitetskoj zhizni. Mnenija periodicheskoj pečati o predstojashhej reforme universitetov [Текст] // Vestnik vospitanija: Nauchno-populjarnyj zhurnal / Pod red. N. F. Mihajlova. – М., 1901. – Sentjabr'. – Hronika. – № 6. – С. 112–153.

12. Istorija Moskovskogo universiteta [Текст] : v 2 t. / Pod red. M. N. Tihomirova. – Т. 1. – М., 1955.

13. Kapnist, P. Universitetskie voprosy [Текст] // Vestnik Evropy. – SPb., 1903. – Т. IV. – С. 167–218.

14. Kovalevskij, M. M. Moskovskij universitet v konce 70-h i nachale 80-h godov proshlogo veka (Lichnye vospominanija) [Текст] // Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov. – С. 484–506.

15. Kotov, A. Je. «Delo professora Ljubimova»: vlast' i obshhestvo v bor'be za universitet [Текст] // Universitetskij nauchnyj zhurnal. – SPb., 2012. – № 2. – С. 63–76.

16. Lejkina-Svirskaja, V. R. *Intelligencija v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka* [Tekst]. – M., 1971.
17. Ljubimov, N. A. *Po povodu predstojashhego peresmotra universitetskogo ustava* [Tekst] // *Russkij vestnik*. – 1873. – № 2. – Т. 103. – S. 886–903.
18. Miljukov, P. *Universitet* [Tekst] // *Jenciklopedicheskij slovar'* / Izd. F. A. Brokgauz, I. A. Efron. – SPb., 1902. – Т. XXXIVA. – S. 751–803.
19. Novikov, M. V., Perfilova T. B. *Ustav 1884 goda: restavracija avtoritarnyh porjadkov v sfere upravlenija rossijskimi universitetami* [Tekst] // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. – 2014. – № 2. – S. 25–38.
20. *Obshhij ustav Imperatorskih rossijskih universitetov* [Tekst] // *Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija*. – SPb., 1893. – Tom IX. – S. 985–1026.
21. Olesich, N. Ja. *Gospodin student Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta*. – SPb., 1998.
22. *Otechestvennye universitety v dinamike zolotogo veka russkoj kul'tury* / Pod red. E. V. Olesejuka [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: // URL. <http://www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006>.
23. Petrov, F. A., Gutnov, D. A. *Rossijskie universitety* [Tekst] // *Ocherki russkoj kul'tury XIX veka: v 6 t.* – Т. 3. *Kul'turnyj potencial obshhestva*. – M., 2001. – S. 124–199.
24. Picheta, V. I. *Vospominanija o Moskovskom universitete (1897–1901)* [Tekst] // *Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov*. – S. 583–596.
25. *Pravila dlja studentov universiteta vo vremja prohozhdenija kursa. Pravila o prieme v studenty universiteta. Pravila o plate za slushanie lekcij v universitete. Pravila o naznachenii studentam stipendij i denezhnyh posobij. Pravila dlja arestovannyh v karcere studentov. Pravila o dopushhenii v universitet postoronnih slushatelej* [Tekst] // *ZhMNP*. – SPb., 1885. – Ijul'. – III. *Ministerskie rasporyazhenija*. – № 4. – S. 31–46.
26. Rozhdestvenskij, S. V. *Istoricheskij obzor dejatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1802–1902* [Tekst]. – SPb., 1902.
27. Sabashnikov, M. V. *Vospominanija. V universitete* // *Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov* [Tekst]. – S. 575–582.
28. Soboleva, E. V. *Organizacija nauki v poreformennoj Rossii* [Tekst]. – L., 1983.
29. Taneev, P. V. *Vospominanija o Klimente Arkad'eviche Timirjazeve* [Tekst] // *Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov*. – S. 507–516.
30. Trubeckoj, S. *Universitet i studenchestvo* [Tekst] // *Russkaja mysl': Ezhemesjachnoe literaturno-politicheskoe izdanie*. – M., 1897. – Kn. IV. – S. 181–203.
31. *Universitetskij ustav 1863 goda* [Tekst]. – SPb., 1863.
32. Fet A. A. *Vospominanija* [Tekst] // *Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov*. – S. 230–241.
33. Filippov, M. M. *Reforma gimnazij i universitetov* [Tekst]. – SPb., 1901.
34. Chicherin, B. N. *Studencheskie gody. Moskva sorokovyh godov* [Tekst] // *Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov*. – S. 372–417.
35. *Shtaty Imperatorskih rossijskih universitetov* [Tekst] // *Universitetskij ustav 1863 goda*. – SPb., 1863. – S. 44–55.
36. Shhetinin, B. A. *Pervye shagi (Iz nedavnego proshlogo)* [Tekst] // *Moskovskij universitet v vospominanijah sovremennikov*. – S. 533–547.
37. Shhetinina, G. I. *Universitety Rossii i ustav 1884 g.* [Tekst]. – M., 1976.

¹ Г. И. Щетинина упоминает об обструкции П. П. Цитовича в Киевском университете и освидетании студентами экстраординарного профессора отечественной истории Харьковского университета Буцинского [37, с. 177].

² Профессора восточных языков С.-Петербургского университета получали в среднем в 121 раз меньше своих коллег с юридического факультета [37, с. 159]. Отдельные профессора юридического факультета могли заработать до двенадцати тысяч рублей в год, а профессора, трудившиеся на малолюдных историко-филологических отделениях, довольствовались «несколькими рублями», взимавшимися за слушание лекций [16, с. 99].

³ См., к примеру: 32, с. 238; 34, с. 379, 380, 388.

⁴ А. И. Аврус даже подчеркивает «единодушное» мнение ученых, публицистов, общественных деятелей, которое звучало со страниц не только либеральной, но и «консервативной прессы», о полной отмене устава 1884 г. [1, с. 87].